

Сергей Александрович, сценаристами ваших фильмов оказались Пушкин, Тургенев, Чехов, Толстой... Почему они? Не видите материала в современности?

- Знаете, когда я окончил в 1968 году ВГИК, то подумал: теперь хорошо бы поучиться в академии. А настоящая академия художественного образования в России - классическое русское искусство. Там такие залежи ума, энергии, что независимо от того, какое время на дворе, убогое или удачливое, - оно не может сколь-нибудь серьезно повлиять на это искусство, «приподнять» его или «опустить». Оно всегда интересно людям. И сколько бы ни утверждали, устав от бесконечных жизненных тягот: «Гони полсу, нет сил внимать классикам!», все равно наступает момент, когда к этим классикам приходишь.

Скажем, лично у меня случился, как ернически говорил Чехов, «Юбилей». В августе исполнилось 60. Согласитесь, цифра серьезная. Чехов, например, умер в 44 года. Значит, я сегодня уже на 16 лет старше его. И должен вроде быть умнее его, ибо мой жизненный опыт значительно длиннее. Следовательно, как бы и богаче. Но нет... Не работает тут арифметическая логика. Получается, что он и в 20 лет умнее меня, 60-летнего, да и в 35, и накануне своей ранней смерти. Он мне способен дать совет, а не я ему. Когда у меня что-то по жизни заклинывает, я хватаюсь за томик Чехова. Или Пушкина. Хотя сейчас настали уж совсем гоголевские времена - «свинные рыла» в каждом окошке. Я, кстати, удивляюсь, почему в театрах все еще по инерции ставят чеховскую «Чайку». Помяните мои слова, скоро грянет гоголевский бум. Сам я даже собираюсь принять в этом солидное участие. Поставить «Ревизора».

Но классики, к сожалению, не имеют таких сборов, как кассовые современные пьесы или тем более фильмы...

- Это тоже довольно убогая арифметика. Ни в одном цивилизованном обществе никогда произведение искусства не измерялось количеством людей, которые его сиюминутно прочитали или побегали в кассу, чтобы отдать свои кровные 300 рублей и «посмотреть то, что другие уже видели». Но вот что интересно... Один из самых кассовых режиссеров советского кино - Андрей Тарковский, картины которого при выходе на экран «одномоментно» почти не смотрели. Но прошло много времени с тех пор, как он умер, и каждый год киностудия «Мосфильм» получает 100 тысяч долларов с мирового проката его фильмов. А это лишь небольшой процент авторских отчислений в пользу нашего государства.

«Кассовость культуры» - это вовсе не мгновенное «снятие башлей с населения». Посчитайте количество читателей Пушкина, покупателей его книг за все прошедшие времена, - и все нынешние рейтинговые писатели покажутся финансовыми лилипутами. Просто в нашем сильно «недотумканном» обществе ценятся только так называемые короткие деньги, то есть сегодня вложенные, а завтра уже вынутые с копеечной прибылью. И велико недоверие к «длинным деньгам», которые уважают, но безнадежно называют вложениями в вечность. Когда же общество превратится во что-нибудь «дотумканное», ситуация обязательно изменится.

И еще одно мое соображение... Очень сильное влияние на ажиотаж вокруг спектаклей или фильмов оказывает мода. Сейчас во всем мире молодежная мода странно «загибается» в сторону классики. На Западе концертные залы, где симфонические оркестры играют классику, уже битком набиты молодежью... Но думаю, что мода не совсем идюшка. Она откликается на реальные потребности человека, его реальные вкусы. Так и молодых людей «для интереса» вдруг сходить в консерваторию и послушать, «что же там дают», гонит потребность в живом кислороде.

Но согласитесь, можно снять современный, кассовый и талантливый фильм, каковым являлась та же ваша «Асса».

Очередной сезон в Доме кино открылся новым фильмом Сергея СОЛОВЬЕВА «О...». Какое слово может стоять вместо многоточия, отгадать совсем просто. Конечно, любовь. Потому что почти все картины Соловьева - о любви. Еще одно отличительное свойство этого режиссера: никто другой из современных кинематографистов не снял столько фильмов на основе русской литературной классики. Об этом удивительном единстве - наша беседа с известным режиссером.

ФОТО ЭДУАРДА ЛАПОВКА

Сергей СОЛОВЬЕВ:

БОЮСЬ СЛОВА «ТВОРЧЕСТВО»...

- Это тоже увлекательная арифметика про наше государственное безумие. «Асса» стоила 650 тысяч рублей (включая расходы, связанные с премьерой). Вышла она на экраны летом. И за полгода проката ее посмотрели около 27 миллионов человек. «Асса» была двухсерийная, и поэтому каждый зритель принес в кинотеатр почти по рублю. Значит, за полгода государство получило на 650 тысяч вложений около 27 миллионов рублей. Это уже совершенно невероятная сверхприбыль. Учтите, что «Асса» не самая кассово успешная картина. Вот такую экономику мы устроили как «несовершенную». Зато сейчас на каждый миллион государственных вложений в фильм мы планируем 50-75 процентов дефицита. При этом, что средняя стоимость российской картины, снятой на «Мосфильме» в высокопрофессиональных условиях и по ценникам «Мосфильма», колеблется от 800 тысяч до одного миллиона долларов. Фильмы не возвращают вложенных в них денег. А ведь на те деньги, которые приносит советский кинематограф, существовали врачи, юристы, школьные учителя... То, что происходит сейчас в нашем государстве с кинематографической экономикой, я считаю величайшей безответственностью. Кому это вдруг показалось выгодным - взять и подарить американцам весь рынок русского кинозрителя от Тихого океана до Балтики?

Сейчас вы заканчиваете работу над «Анной Карениной». Эта картина заняла у вас больше десятилетия.

- Действительно, сценарий был написан еще в середине 90-х, даже подобраны актеры. Но работа остановилась. Вся страна тогда жила под постоянной угрозой какого-нибудь кризиса. Это, собственно говоря, и произошло - на «Анну Каренину» пал один из мини-дефолтов. Чубайс, работавший в правительстве, объявил «секвестр бюджета» (эта мера так и называлась - «чубайсовское обрезание»). «Анну Каренину» посчитали не очень нужной народу «внерыночной психопаткой». А уже все было готово к съемкам, осталось только пошить костюмы.

А почему именно сейчас вы вернулись к «Карениной»?

- Потому, что очень хочется. Помните, у Высоцкого: «А мне плевать, мне очень хочется...»

Состав актеров с того времени сильно поменялся?

- Почти нет. Время идет, и, по-моему, большинству из артистов это пошло на пользу. Все-таки «Анна Каренина» - история совсем не юношеская. Это история зрелых женщин и мужчин. И с Таней Друбич, исполняющей роль Анны, ничего разрушительного за это время не произошло. Наоборот, она стала старше, и ее возраст теперь соответствует истории так, как я ее понимаю.

Друбич была вашей музой в очень многих лентах...

- Если бы вы знали, как же и меня, и Таню достали журналисты с этой самой «музой»! Я даже стихи когда-то сочинил: «Приходила ко мне Муза - Герой Советского Союза». Никакая она не муза, а нормальный живой человек, который нуждается в нормальном уважительном отношении к себе. Кроме того, Таня - близкий мне человек. Мы работаем вместе долгие годы. На «Мосфильм» ее привели прямо из школы. Я тогда искал героев для фильма «Сто дней после детства». Мы смотрели человек по 150 каждый день. Среди них была и Таня, которая училась в шестом или седьмом классе. Ее уже отличала хорошая, запоминающаяся внешность. Вообще в ней всегда ярко чувствовалось отдельное личностное своеобразие. Кто-то из нас спросил ее: «Сниматься в кино хочешь?» Она ответила неожиданно: «Абсолютно не хочу, мне это совсем не нравится!». Оказалось, что она снялась в главной роли в картине «Пятнадцатая весна» у замечательного режиссера Инны Туманян. Но Тане работать перед камерой почему-то не понравилось. Это было единственное «нет» из тысяч-тысяч «да»...

Это правда, что на роль Каренины вы хотели пригласить Ричарда Гира?

- Мне кто-то посоветовал: «Слушай! А пригласи Ричарда на роль Каренина. Он может его гениально сыграть!» Конечно, пригласить

можно бы. Но зачем, когда есть Янковский. Это его дело - гениально играть Каренина». А для Ричарда это был бы занятный и, возможно, даже очень «кассовый» эксперимент. И вообще... В Америке хватает превосходных артистов, чтобы играть разнообразных американцев. Наши играют наших. Все довольно. Вот, например, с Ричардом Гиrom, с которым я давно по-человечески дружен, мы в свое время хотели сделать российско-американскую картину по Чехову «Палата № 6». Я написал тогда толковый сценарий, а Гир должен был играть главную русскую роль. Он уже нашел и продюсеров, но в силу каких-то забытых уже обстоятельств съемки сорвались. А я почему-то об этом никогда не пожалел.

Вы профессор, преподаете во ВГИКе. Чему учите студентов?

- Ничему. Наоборот, живому подходу к жизни учат меня студенты. Они из нее в институт приходят, у них свежие впечатления. Понимаете, у всех профессионалов очень ограниченный круг общения, в который никакая мой студент не попадет. Ну не может он, скажем, попасть в элиту Венецианского фестиваля, не может поболтать о том о сем с Бертолуччи, не может знать, что решил все-таки с проблемой «украденного штатива» Ларс фон Триер. Но зато он знает, как устроена живая жизнь. Какими именно словами ругаются в метро, когда тесно. И какими - когда пусто. Конечно, я стараюсь выбирать талантливых ребят, но только для того, чтобы разумно и по-взрослому мы могли бы обменяться своим жизненным опытом.

В 60 лет принято подводить итоги. Какие периоды вы бы выделили в вашей творческой и личной жизни?

- Если говорить о личном, то период у меня единственный - сама жизнь. И даже вступил в седьмой десяток, я в этом смысле не могу доложить ничего такого, чего бы не сообщил лет сорок назад и в свои 20. А что касается фильмов, то все они имеют некую цикличность. Режиссер, которого я очень уважаю, Андрон Кончаловский в каком-то интервью однажды произнес: «Мне хотелось бы работать так, чтобы ка-

дая последующая картина ничем не напоминала предыдущую». Я удивился. Мне казалось, что множественность картин должна обладать свойствами генетического кода одного человека. Ну, скажем, есть у меня длинный, через всю жизнь идущий классический пласт: я начал его разрабатывать с Чехова, сейчас занимаюсь Толстым... Но одновременно я убежден, что нет более близких понятий, чем классика и авангард. Когда меня с некоторой регулярностью заносило в «авангардное дело», то это было следствием моей искренней любви к классике. Просто в данный момент мне хотелось развернуть ее и увидеть с обратной стороны. Вот чем продиктовано рождение «Асы», «Черная роза - эмблема печали» и «Дом под звездным небом». Эти фильмы составляют единую трилогию, которая даже имеет название - «Три песни о Родине». Был, кстати, такой при Сталине государственный песенный жанр. А до этого я уже снял другую трилогию: «Сто дней после детства», «Спасатель» и «Наследница по прямой». И она тоже имеет свое название, взятое у одной из пастернаковских книг, - «Второе рождение». У каждой из этих трилогий и свои кинематографические «послесловия». Ко «Второму рождению» - фильм «Чужая Белая и Рябой», картина об отроческом возрасте, но очень определенного времени, послевоенного. А к «Трем песням о Родине» послесловием стал «Нежный возраст». Кстати, мой сын Митя принял активное участие в создании этой картины. Он и сам историю мне рассказал, и сценарий мы вместе написали. Это во многом его лента.

Ваша творческая судьба сложилась на редкость удачно. Вы успешный режиссер. И в институте преподаете, потому что есть чем поделиться с молодежью. Но чего я никак не могу понять - зачем вам понадобилась должность президента международного фестиваля кинематографических дебютов «Дух огня» да еще в Ханты-Мансийске?

- Никакая это не должность, а еще одна моя работа. Кроме этого, и одно из самых разумных занятий, на которые я когда-либо тратил свое время. Каждый год туда приезжает все молодое дебютное российское кино. А почему именно в Ханты-Мансийск? Потому что это потрясающий русский город нового поколения, обладающий цивилизованной европейской инфраструктурой. Привозим мы туда не только выпущенные за год российские дебютные фильмы, но и лучшее молодое кино. Фестиваль проходит, так сказать, в мировом дебютном контексте. Приезжает много знаменитых гостей. Например, был Пьер Ришар. Он поначалу вообще боялся этой поездке. Почему-то в мире до сих пор считают Сибирь чем-то вроде сохранившегося до сей поры архипелага ГУЛАГ. Уговорили его «хотя бы на денек», а в результате он оттуда уехал позже всех. Так ему понравилось в русской Сибири.

Один из ваших последних фильмов - о любви. Но почему он имеет такое странное название: «О...»?

- Мы ужасно затрепали многие слова. Я боюсь, например, употребить слово «творчество». Нередко сидит какой-нибудь младенец на телевизионном экране и бурвит: «Я в своем творчестве...» Бог ты мой! Какое там у него еще «творчество»? Очень страшно употреблять слово «талант». Получается, у нас практически все талантливы. Представляете, какое немыслимое количество талантов ездит прямо в метро? А ведь это категория редчайшая. За свою жизнь я встретил всего лишь несколько по-настоящему талантливых людей. Талант - это божественная одаренность. Очень страшное слово - «духовность». Ее иногда «духовкой» называют, что уже звучит поприличнее. Вот точно так же мы балуемся, играем и бессмысленно употребляем слово «любовь». Поэтому пусть уж лучше будет «О...».

Беседовала Анжелика МКРТЧЯН